

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1(091)

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-85-94

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ АВТОРА «ДУШЕНЬКИ» В СТАТЬЕ Н. М. КАРАМЗИНА «О БОГДАНОВИЧЕ И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ»

Джанумов С. А., Петухов А. Д.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть особенности жанра литературного портрета в критическом наследии Н. М. Карамзина на материале его статьи «О Богдановиче и его сочинениях» (1803).

Процедура и методы. Основной метод анализа указанной статьи Карамзина – биографический, так как в ней художественное произведение (в данном случае, поэма И. Ф. Богдановича «Душенька» (1783)) ставится в прямую зависимость от внутреннего мира автора, от его индивидуальной судьбы и черт личности.

Результаты. Делается вывод, что статья Карамзина носит синкретический характер, т. е. сочетает в себе литературный портрет, некролог и критический разбор поэмы Богдановича «Душенька». Действительно, очерк (можно определить статью Карамзина и так) «О Богдановиче и его сочинениях» говорит о недавно умершем писателе, содержит биографические сведения о нём и оценку его деятельности, что полностью соответствует жанру некролога. И всё же главная заслуга Карамзина при создании литературного портрета Богдановича – это подробный, обстоятельный, профессиональный разбор его главного произведения – поэмы «Душенька», с обильными цитатами, с попутными, весьма ценными комментариями и разъяснениями. Цель этих цитат – наглядно показать художественные достоинства «Душеньки», оправдать то предпочтение, которое оказывает автор статьи поэме Богдановича по сравнению с повестью французского писателя Жана де Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669), которая послужила одним из основных источников «Душеньки». Карамзина с его статьёй «О Богдановиче и его сочинениях» бесспорно можно считать основоположником жанра литературного портрета в русской критике.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе представлен целостный анализ статьи Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях», которую можно рассматривать как своеобразное продолжение его статьи «Пантеон российских авторов» (1802), где Карамзин выступает не только как критик, но и как историк отечественной литературы. Но в отличие от «Пантеона...» внимание Карамзина сосредоточено на литературном портрете одного автора – русского поэта, переводчика, журналиста Ипполита Фёдоровича Богдановича (1743–1803). Подчёркивается, что статья «О Богдановиче и его сочинениях» полностью соответствует эстетическим принципам сентиментализма и художественным вкусам самого Карамзина как писателя и критика, является в какой-то степени программной в его литературно-критической деятельности. Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нём наблюдения и выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества как И. Ф. Богдановича, так и Н. М. Карамзина в вузовских курсах по истории русской литературы и критики.

Ключевые слова: критическая статья, литературный портрет, некролог, поэма, сентиментализм, творческая индивидуальность

LITERARY PORTRAIT OF THE AUTHOR OF “DUSHENKA” IN N. M. KARAMZIN’S ARTICLE “ABOUT BOGDANOVICH AND HIS WORKS”

S. Dzhanumov., A. Petukhov

Moscow City University

pr. Vtoroi Selskokhozyaystvennyi 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the features of the literary portrait genre in the critical heritage of N. M. Karamzin on the material of his article “About Bogdanovich and his works” (1803).

Methodology. The main method of analyzing this article by Karamzin is biographical, since in it a work of art (in this case, I. F. Bogdanovich’s poem “Dushenka” (1783)) is directly dependent on the inner world of the author, on his individual fate and personality traits.

Results. It is concluded that Karamzin’s article is of a syncretic nature, that is, it combines a literary portrait, an obituary and a critical analysis of Bogdanovich’s poem “Dushenka”. Indeed, the essay (Karamzin’s article can be defined in this way) “About Bogdanovich and his works” speaks about the recently deceased writer, contains biographical information about him and an assessment of his activities, which fully corresponds to the obituary genre. And yet, the main merit of Karamzin in creating a literary portrait of Bogdanovich is a detailed, thorough, professional analysis of his main work – the poem “Dushenka”, with abundant quotations, with accompanying and very valuable comments and explanations. The purpose of these quotations is to clearly show the artistic merits of “Dushenka”, to justify the preference that the author of the article gives to Bogdanovich’s poem in comparison with the story of the French writer Jean de La Fontaine “The Love of Psyche and Cupid” (1669), which served as one of the main sources of “Dushenka”. Karamzin with his article “About Bogdanovich and his works” can undoubtedly be considered the founder of the literary portrait genre in Russian criticism.

Research implications. The paper presents a holistic analysis of Karamzin’s article “About Bogdanovich and his works”, which can be regarded as a kind of continuation of his article “The Pantheon of Russian Authors” (1802), where Karamzin acts not only as a critic, but also as a historian of Russian literature. But unlike the “Pantheon ...”, here Karamzin’s attention is focused on the literary portrait of one author – the Russian poet, translator, journalist Ippolit Fedorovich Bogdanovich (1743–1803). It is emphasized that the article “About Bogdanovich and his works” is fully consistent with the aesthetic principles of sentimentalism and the artistic tastes of Karamzin himself as a writer and critic, and is to some extent flagship in his literary and critical activity. The practical significance of the study lies in the fact that its observations and conclusions can be used in the further study of I. F. Bogdanovich’s and N. M. Karamzin’s works in university courses on the history of Russian literature and criticism.

Keywords: critical article, literary portrait, obituary, poem, sentimentalism, creative individuality

Введение

Статью Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях»¹ можно рассматривать как своеобразное продолжение его статьи «Пантеон российских авторов» (1802), где Карамзин выступает не только как критик, но и как историк отечественной литературы (более подробно об этом сочинении Карамзина см. в нашей статье [2, с. 87–97]).

Но в отличие от «Пантеона...» внимание Карамзина сосредоточено на литературном портрете одного автора – русского поэта, переводчика, журналиста Ипполита Фёдоровича Богдановича (1743–1803). Н. Д. Кочеткова в одной из глав «Очерков истории русской литературной критики» отмечает, что статья «О Богдановиче и его сочинениях» носит синкретический характер, соединяет в себе «...и некролог, и литературную биографию (литературный портрет), и критический разбор поэмы И. Ф. Богдановича “Душенька”» [4, с. 145].

¹ Впервые: Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Вестник Европы. 1803. № 9. С. 3–18; 1803. № 10. С. 75–111.

Действительно, данный очерк Карамзина по многим признакам отвечает всем перечисленным выше жанровым разновидностям критической статьи. «Довольно отчётливые формы» литературного портрета находил в этом сочинении Карамзина Л. П. Гроссман в статье «Жанры художественной критики»¹: «Мы с полной отчётливостью ощущаем этот живой, красочный, экспрессивный критический вид, схватывающий в писательской индивидуальности самые выразительные черты её творческого облика и запечатлевающий их в той тонко организованной системе, которая раскрывает нам в синтетической зарисовке весь характер оригинала» [1, с. 71].

В последние годы некоторые исследователи всё больше склоняются к тому, что статья Карамзина по существу является некрологом. Так, К. А. Онипко в статье «Первые русские некрологи: герои и контексты» (2018) полагает, что биографический очерк «О Богдановиче и его сочинениях» можно отнести к жанру некролога на основании того факта, «...что публикация его состоялась почти сразу после смерти его героя. Привязка к смерти является конститутивной особенностью некролога» [7, с. 83].

Такого же мнения придерживается и Е. Е. Надточий в статье «К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н. М. Карамзина» (2021), делая вывод, что «...Карамзин переносит акцент со служебных заслуг на “жизнь сердца” своего героя, смерть которого становится поводом для рассказа об истории личности» [6, с. 43]. Показательно, что Е. Е. Надточий сопрягает, объединяет в некрологическом очерке Карамзина две указанные выше жанровые разновидности критической статьи: «В майском номере журнала («Вестник Европы». – С. Д., А. П.) Карамзин публикует уже развёрнутый очерк “О Богдановиче и его сочинениях”, который представляет новую версию некрологического жанра – литературный портрет (курсив наш. – С. Д., А. П.)» [6, с. 43].

¹ Впервые: Гроссман Л. П. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61–71.

Действительно, очерк (можно определить статью Карамзина и так) «О Богдановиче и его сочинениях» говорит о недавно умершем писателе, содержит биографические сведения о нём и оценку его деятельности, что полностью соответствует жанру некролога.

Жизнь и творчество Богдановича в статье Карамзина

Первые несколько страниц анализируемой статьи Карамзина посвящены отдельным фактам биографии Богдановича, его сближению с М. М. Херасковым, оказавшим огромное влияние на начинающего поэта: «Итак, счастливая звезда привела молодого ученика муз к их знаменитому любимцу, который, имея сам великий талант, умел открывать его и в других»². Много места в статье Карамзина уделено стихотворному переводу Богдановичем «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера: «Уже дарование его (Богдановича. – С. Д., А. П.) с блеском обнаружилось тогда в переводе Вольтеровых стихотворений, а всего более – в поэме на разрушение Лиссабона, которую Богданович перевёл так удачно, что многие стихи её не уступают красоте и силе французских»³. В подтверждение своего суждения Карамзин приводит несколько фрагментов из перевода Богдановичем этой поэмы.

Внимание Карамзина в статье обращено также на первые самостоятельные поэтические опыты Богдановича, опубликованные среди прочих в журнале «Невинное упражнение» («Вместе с переводами напечатаны в сем журнале и многие его сочинения, из которых иные отличаются нежностью и хорошими мыслями...»⁴), а также на его журналистскую деятельность: «...выдавал 16 месяцев журнал под титулом Петербургского вестника...»⁵ (в названии журнала Карамзин не совсем точен:

² Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 129.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же. С. 134.

на самом деле журнал назывался «Собрание новостей». Но эта неточность объясняется тем, что в данном случае Карамзин целиком доверился «Автобиографии» Богдановича, где этот журнал ошибочно назван «Санкт-Петербургский вестник»).

Наконец, после более или менее кратко-го изложения некоторых фактов биографии Богдановича Карамзин приступает к основной цели своей статьи – подробному и обстоятельному рассмотрению главного произведения Богдановича – поэмы «Душенька» (1783), о которой восторженно отзывались не только его современники, но и последующие писатели и критики. Достаточно вспомнить хорошо известную высокую оценку поэмы В. Г. Белинскому в его первой крупной статье «Литературные мечтания» (1834): «Подражатели Ломоносова, Державина и Хераскова оглушили всех громким одоением; уже начинали думать, что русский язык неспособен к так называемой лёгкой поэзии (курсив Белинского. – С. Д., А. П.), которая так цвела у французов, и вот в это время является человек с сказкою, написанною языком простым, естественным и шутливым, слогом, по тогдашнему времени, удивительно лёгким и плавным: все были изумлены и обрадованы. Вот причина необыкновенного успеха “Душеньки”...»¹.

Характеризуя творческую индивидуальность Богдановича и посвящая большую часть своей статьи знаменитой поэме-сказке «Душенька», Карамзин стремится показать внутренний мир писателя, его житейские, личностные качества. Поскольку статья Карамзина принадлежит к жанру литературного портрета, автору статьи важно не только сделать акцент на поэме Богдановича как «произведении души» автора, но и рассказать, в какой житейской атмосфере, на каком эмоциональном фоне создавалась «Душенька»: «Богданович с удовольствием говаривал после о времени её сочинения. Он жил тогда на Васильевском острове, в тихом, уединённом домике (сразу приходит на ум по-

весть романтика-любомудра В. П. Титова «Уединённый домик на Васильевском» (1829), название которой, возможно, подсказано этими строками Карамзина из его статьи. – С. Д., А. П.), занимаясь музыкою и стихами, в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил иногда выезжать, но ещё более возвращаться домой, где муза ожидала его с новыми идеями и цветами...»².

Навевая этими и следующими ниже пассажами идеализированный образ творца «Душеньки», Карамзин тут же указывает и основные источники поэмы Богдановича: знаменитый роман а одиннадцати книгах «Метаморфозы» (более известный под названием «Золотой осёл») римского писателя Луция Апулея (ок. 125 – ок. 180), одна из новелл которого воссоздаёт миф об Амуре и Психее (книги 4–6), и также «складную повесть» французского писателя и баснописца Жана де Лафонтена (1621–1696) «Любовь Психеи и Купидона» (1669). Но если Апулей («славный остроумец и колдун, по мнению народа римского»³) упоминается в статье Карамзина лишь однажды, то далее весь анализ «Душеньки» построен на сопоставлении поэмы Богдановича именно с повестью Лафонтена. Признавая, что «Любовь Психеи и Купидона» «служила образцом для русской “Душеньки”», Карамзин подчёркивает своеобразие и даже в чём-то превосходство поэмы Богдановича по сравнению с повестью Лафонтена: «...но Богданович, не выпуская из глаз Лафонтена, идёт своим (курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) путём и рвёт на лугах цветы, которые укрылись от французского поэта. Скажем без аллегии, что Лафонтеново творение полнее и совершеннее в эстетическом смысле, а «Душенька» во многих местах приятнее и живее и вообще превосходнее тем, что писана стихами: ибо хорошие стихи всегда лучше хоро-

¹ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 51.

² Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 134.

³ Там же.

шей прозы; что труднее, то имеет и более цены в искусствах»¹.

Далее статья Карамзина на протяжении почти пятнадцати страниц заполнена обширными выписками, цитатами из поэмы Богдановича и повести Лафонтена с краткими комментариями, пояснениями и критическими пассажами. Цель этих цитат – наглядно показать художественные достоинства «Душеньки», оправдать то предпочтение, которое оказывает автор статьи поэме Богдановича по сравнению с «Лафонтеновым творением» (которое, естественно, цитируется на французском языке): «Желая украсить гроб сего любезного поэта собственными его цветками (курсив Карамзина и одновременно неизбежная дань жанру некролога. – С. Д., А. П.), напомним здесь любителям русского стихотворства лучшие места "Душеньки". ... В таком сочинении всё правильно, что забавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко – и в самом деле, не трудно, – но только для людей с талантом»².

Приводя многочисленные фрагменты из «Душеньки», Карамзин, как правило, сопровождает их восторженными восклицаниями, риторическими вопросами. Красной нитью в статье Карамзина проходит мысль о неоспоримых преимуществах стихов над прозой: «Надобно также заметить, что некоторые изображения и предметы необходимо требуют стихов для большего удовольствия читателей и что никакая гармоническая, цветная проза не заменит их. ... Лафонтен сам это чувствовал и для того нередко оставляет прозу; но он сделал бы гораздо лучше, если бы совсем оставил её и написал поэму свою от начала до конца в стихах»³.

Ещё одна особенность некролога Карамзина, на которую впервые обратила внимание К. А. Оніпко в указанной выше статье «Первые русские некрологи: герои и

контексты»: это предпочтение, которое он оказывает эпитету «приятный» перед другими художественными и образными определениями. К. А. Оніпко объясняет это тем, что жизнеописание Богдановича в статье Карамзина ориентировано преимущественно на женскую читательскую аудиторию: «Недаром самым распространённым эпитетом жизнеописания является слово "приятный" (стихи в "Душеньке" "умны и приятны", приятна жизнь Богдановича в Дрездене, приятные стихи поэта рождаются за счёт вдохновения, вызванного чувствительностью "к любезности женской")» [7, с. 84].

Это наблюдение исследователя можно подкрепить и умножить ещё целым рядом примеров из статьи Карамзина: «И как всё приятно сказано!» (выше автор статьи писал: «...Хорошо сказано». – С. Д., А. П.)⁴; «Ужасы Душенькина путешествия изображены во французской сказке как действительные ужасы, а в русской – с приятною шутливостию...»⁵; «Последний (Богданович. – С. Д., А. П.) отделался от читателей приятною шуткою...»⁶; «Просто и так мило, что, может быть, никакое другое место в "Душеньке" не делает в читателе столь приятного впечатления»⁷; «...но вообще столь приятна («Душенька». – С. Д., А. П.), что благоразумный критик ... не захочет на счёт её доказывать своей тонкой разборчивости...»⁸; «От 1775 до 1789 году он (Богданович. – С. Д., А. П.) сочинил "Историческое изображение России", часть I (опыт лёгкий, несовершенный, но довольно приятный)...»⁹; «Но некоторая из приятных безделок Богдановича не была так известна и славна, как его песня: "Мне минуло пятнадцать лет"»¹⁰; «Приятный климат, любезные воспоминания детства ... влекли Богдановича к счастливым странам Малороссии...»¹¹; «...надежда быть – если не прелестным, то хотя приятным ... заво-

¹ Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 134–135.

² Там же. С. 135.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Там же. С. 144.

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Там же. С. 150.

¹⁰ Там же. С. 151.

¹¹ Там же. С. 152.

дит иногда и не поэтов весьма далеко...»¹; «Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его ... какую-то невинную весёлость, которую он сохранил до старости и которая делала его приятным в дружеском обществе»²; «...ибо творец „Душеньки“ будет известен потомству – как стихотворец приятный...»³.

Слово «приятный» неслучайно является одним из ключевых в статье Карамзина. Хорошо известен и не раз цитируется в работах исследователей тот фрагмент из его письма к И. И. Дмитриеву от 22 июня 1793 г., где Карамзин пространно рассуждает о «приятности» одних слов в русском языке, в литературе и грубости, даже «отвратительности» других – просторечных (причём и те, и другие могут употреблять крестьяне («поселяне»): «*Пичужечки* (здесь и ниже курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) не переменяй, ради Бога не переменяй! ... Имя *Пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слышу его в чистом поле от добрых поселян. ... Один мужик говорит: *пичужечка* и *парень*: первое приятно, второе отвратительно»⁴.

Другие ключевые слова и эпитеты в статье Карамзина, характеризующие Богдановича, его жизнь и творчество, также связаны с эстетикой и стилистикой сентиментализма: «чувствительный» (поскольку чувствительный герой является идеалом эпохи сентиментализма. Вспомним хотя бы психологический очерк Карамзина «Чувствительный и холодный. *Два характера*» (1803)): «Но мы ещё должны заметить одну черту характера его (Богдановича. – С. Д., А. П.), едва ли не во всех поэтах явную и резкую, чувствительность к любезности женской, которая всегда служила вдохновением для сти-

хов приятных»⁵; «Он (Богданович. – С. Д., А. П.) приехал в Сумы с намерением вести там жизнь свою в кругу ближайших родных и наслаждаться её тихим вечером в объятиях природы, всегда любезной для чувствительного сердца, особливо для поэта»⁶; «...всегда можно любить, пока сердце живо, и взор чувствительной женщины изъясняет нам симпатию»⁷; «Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его свойства, тихий нрав, чувствительность...»⁸.

Литературный портрет Богдановича был бы неполным без выдвижения на первый план некоторых других нравственных качеств автора «Душеньки», прежде всего, его добродушия, нежности и простосердечия. Это полностью согласуется с программной статьёй Карамзина «Что нужно автору?»⁹: «Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, проникающий разум, живое воображение и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей...»¹⁰.

Комментируя данное суждение Карамзина, Н. Д. Кочеткова замечает: «Исходя из этого принципа, Карамзин как бы воссоздаёт облик писателя по его произведениям» [5, с. 148]. Сам Карамзин поясняет приведённые выше слова в статье «Что нужно автору?» следующим образом: «Творец всегда изображается в творении и часто – против воли своей», – а ниже формулирует основной постулат своей статьи: «Ты берёшься за перо и хочешь быть автором – спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: *каков я?* (курсив

¹ Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» // сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 153.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 154.

⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / изд. с прим. Я. Грот, П. Пекарский. СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1886. С. 39.

⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 130–131.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 153.

⁹ Впервые: Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Аглая. 1794. Кн. 1. С. 27–31

¹⁰ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 60.

Карамзина. – С. Д., А. П.) ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего»¹.

Этот тезис Карамзина справедлив и по отношению к его статье «О Богдановиче и его сочинениях». В жизнеописании Богдановича постоянно обращается внимание на его «нежную душу»², «редкое добродушие»³, «невинную весёлость»⁴, на то, что автор «Душеньки» был «...стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый»⁵.

Конечно, такой литературный портрет мог бы показаться несколько идеализированным, если бы Карамзин доверялся только собственным впечатлениям от чтения «Душеньки» и собственному восприятию характера Богдановича, иными словами, полагался бы только на собственный художественный вкус. Но Карамзин специально оговаривает, что получил информацию о Богдановиче от людей, которые довольно хорошо знали творца «Душеньки»: «Говорят, что жизнь и характер сочинителя видны в его творениях; однако ж мы, любя последние, всегда спрашиваем о первых у тех людей, которые лично знали автора»⁶.

Как мы уже отмечали выше, сравнивая поэму Богдановича и повесть Лафонтена, Карамзин, как правило, отдаёт предпочтение русскому писателю. И не из-за «квасного патриотизма» (выражение П. А. Вяземского), а потому, что в соответствии с эстетикой сентиментализма и собственным непогрешимым художественным вкусом он объективно всегда на стороне «творца „Душеньки“». Вот только несколько примеров: «Любезное имя, которым Богданович назвал свою героиню, представляет ему счастливую игру мыслей, которой Лафонтен мог бы позавидовать»⁷; «Жалобы Венеры в русской поэме луч-

ше, нежели во французской сказке...»⁸; «Богданович и мыслями и выражениями побеждает опасного совместника»⁹; «...Венерино шествие у Лафонтена эскиз, у Богдановича картина»¹⁰; «Французские стихи хороши, но русские ещё игривее и живее...»¹¹; «Что француз остроумно говорит прозою, то русский не менее остроумно, и ещё милее, сказал в стихах»¹²; «В описании Душенькиных бедствий некоторые черты также гораздо счастливее у Богдановича...»¹³.

И весь этот сопоставительный анализ подкрепляется и обосновывается многочисленным и обширными выписками из поэмы Богдановича и повести Лафонтена. Но та же присущая Карамзину критика объективности побуждает его указать и на отдельные недостатки и слабые в художественном отношении места в поэме Богдановича: «Заметив хорошие и прекрасные места в „Душеньке“, скажем, что она, конечно, не вся писана такими счастливыми стихами...»¹⁴. Кроме того, Карамзин, верный эстетическим принципам и художественным вкусам сентиментализма, при цитировании поэмы Богдановича опускает те слова и выражения, которые кажутся ему слишком грубоватыми и просторечными. Так, приводя в сокращении жалобы Душеньки на свои несчастья, о которых она рассказывает старому рыбаку, Карамзин восхищается некоторыми стихами поэмы, например, такими:

«“Но кто ты?” – старец спросил.

“Я Душенька – люблю Амура”».

Последний стих прекрасен и трогателен, несмотря на шуточный тон автора»¹⁵. Но

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 60; 61.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же. С. 136.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Там же. С. 138.

¹⁰ Там же. С. 138.

¹¹ Там же. С. 139.

¹² Там же. С. 139.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Там же. С. 149.

¹⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 147.

при этом Карамзин намеренно обрывает цитату и «забывает» привести последующие строки:

«Потом заплакала, как дура,
Потом, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся Натура»¹.

(В связи со стихом «Потом заплакала, как дура», нельзя не вспомнить фразу Екатерины II, которую она, после прочтения оды Г. Р. Державина «Фелица» (по воспоминаниям автора этой оды), обронила в присутствии Е. Р. Дашковой: «...кто бы меня так коротко знал, который умел так приятно описать, что, ты видишь, я как дура плачу»²).

И это не единственное место в поэме, где налицо сниженная лексика. Слова «дурость», «дура» ещё не раз встречаются в поэме: «Оставив Душеньку за дурость и за грех...»³; «Но Душенька дотоль в раю / Была супругою Амура, И участь Душенька свою / Утратила потом как дура»⁴.

В своей статье Карамзин отмечает и те места поэмы Богдановича, которые окрашены национальным колоритом, так или иначе связаны с русским фольклором: «Русская Душенька *служит* (здесь и ниже курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) только трудные, опасные *службы* богине, совершенно в тоне русских старинных сказок, и прекрасно: идёт за живою и мёртвою водою, к змею Гарыничу, и так хорошо, с женскою хитростию, ублажает его...»; «Богданович, приводя Душеньку к злому Кашею, не сказывает нам его загадок: жаль! Здесь был случай выдумать нечто остроумное»⁵. И даже тот стих из поэмы Богдановича, который особенно нравится

Карамзину и который он выделяет среди других «нежных, прекрасных стихов» «Душеньки» («Всего же более люблю обращение поэта к красавице: “Во всех ты, Душенька, нарядах хороша...”»⁶), опять-таки не случайно помечен, так сказать, «знаком качества». Карамзин как будто предвидел, что это шутливо-восторженное обращение поэта к своей героине станет крылатым выражением, а также будет использовано в качестве эпиграфа к одной из пушкинских «Повестей Белкина» – «Барышне-крестьянке».

Любовь Богдановича к фольклору, по мнению Карамзина, проявилась и в том, что уже после создания «Душеньки» автор поэмы взялся за литературную обработку русских пословиц: «Исполняя также волю сей монархини (Екатерины II. – С. Д., А. П.), он издал “Русские пословицы” (имеется в виду сборник 1785 г. в трёх частях. – С. Д., А. П.), в которых сохранились драгоценные остатки ума наших предков, их истинные понятия о добре и мудрые правила жизни»⁷.

Суждение Карамзина о высоких художественных достоинствах, о мудрости русских пословиц бесспорно, но к сборнику Богдановича оно имеет весьма отдалённое отношение, поскольку как фольклорист автор «Душеньки» в данном случае проявил себя не лучшим образом. Богданович позволял себе искажать традиционную форму пословиц, перекладывать их в стихотворные двуступиши или даже четверостишия, т. е. подвергать их литературной обработке.

Более справедливо мнение Карамзина об исключительной популярности стихотворения Богдановича «Пятнадцать мне минуло лет...» (вариант первой строки в народной переработке: «Мне минуло пятнадцать лет». – С. Д., А. П.): «Но некоторая из приятных безделок Богдановича не была так известна и славна, как его песня: “Мне минуло пятнадцать лет”. Она *сделалась народною* (курсив Карамзина. – С. Д., А. П.), и доныне – несмотря на множество

¹ Богданович И. Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. М.: Ладомир, 2002. С. 97.

² Державин Г. Р. Избранная проза / сост., вступ. ст., прим. П. Г. Паламарчука. М.: Советская Россия, 1984. С. 255.

³ Богданович И. Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. М.: Ладомир, 2002. С. 87.

⁴ Там же. С. 88–89.

⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 149; 149.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Там же. С. 150–151.

новых любимых песен – сохраняет своё достоинство»¹.

Заключение

Таким образом, Карамзина с его статьёй «О Богдановиче и его сочинениях» с полным основанием можно считать основоположником жанра литературного портрета в русской критике. Б. Ф. Егоров в книге «О мастерстве литературной критики...» отмечал, что именно Карамзин открыл «...русскому читателю ещё один критический жанр – *литературный портрет*»² (курсив Б. Ф. Егорова. – С. Д., А. П.), т. е. очерк жизни и творчества писателя. В новом своём журнале «Вестник Европы», открывающем XIX в., Карамзин опубликовал статью «О Богдановиче и его сочинениях», первую обширную критическую статью такого рода. ... Понятно, что и жанр литературного портрета тоже глубоко был связан с сентименталистским методом: здесь то же подчёркивание индивидуального, личного, особенного» [3, с. 23].

И всё же главная заслуга Карамзина при создании литературного портрета Богдановича – это подробный, обстоятельный, профессиональный разбор его главного произведения – поэмы «Душенька», с обильными цитатами, с попутными, весьма ценными комментариями и разъяснениями. Полагая, что именно «Душенька» положила начало поэзии личных чувств

и переживаний, Карамзин в статье «О Богдановиче и его сочинениях» считал, что «благоразумный критик, чувствительный к красотах искусства и дарования», «... не забудет, что Ипполит Богданович *первый* (курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) на русском языке играл воображением в лёгких стихах...»³.

И хотя многие исследователи считают создателем так называемой «лёгкой поэзии» (*франц. poésie fugitive*) в русской литературе К. Н. Батюшкова, сам поэт в «Речи о влиянии лёгкой поэзии на язык» (1816) отдавал пальму первенства в этом отношении «Душеньке» Богдановича: «Стихотворная повесть Богдановича, первый и прелестный цветок лёгкой поэзии на языке нашем, озаменованный истинным и великим талантом...»⁴.

Но как бы то ни было, нельзя не признать совершенно правомерным суждение современного литературоведа А. Л. Зорина: «В своём лучшем произведении он (Богданович. – С. Д., А. П.) с точностью истинного поэта поставил памятник веку, умевшему сочетать несочетаемое: грубость и грацию, простодушие и утончённость, циническую усмешку и неприступную чувствительность. “Душеньку” можно любить только вместе с её эпохой. В этом слабость поэмы, но в этом и её прелесть, не выцветшая за два столетия»⁵.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроссман Л. П. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61–81.
2. Джанумов С. А., Петухов А. Д. Идеино-эстетическая программа Н. М. Карамзина в статье «Пантеон российских авторов» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 87–97.
3. Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. 2-е изд., испр. М.: Юрайт, 2019. 231 с.
4. Кочеткова Н. Д. Критика 1780–1790-х годов. Сентиментализм // Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. 1. XVIII – первая четверть XIX в. / под ред. Ю. В. Стенника. СПб.: Наука, 1999. С. 120–150.

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 151.

² Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. (1-е изд.: Л.: Сов. писатель, 1980). 231 с.

³ Там же. С. 150.

⁴ Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии / сост., вступ. ст., комм. В. А. Кошелева. М.: Современник, 1985. С. 163.

⁵ Зорин А. Л. Незабвенная «Душенька» // Богданович И. Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. М.: Ладомир, 2002. С. 20.

5. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 282 с.
6. Надточий Е. Е. К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н. М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 42–46.
7. Онипко К. А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Литературоведение. 2018. № 1 (170). С. 83–87.

REFERENCES

1. Grossman L. P. [Genres of Artistic Criticism]. In: *Iskusstvo* [Art], 1925, no. 2, pp. 61–81.
2. Dzhanumov S. A., Petukhov A. D. [Ideological and Aesthetic Program of N. M. Karamzin in the Article “Pantheon of the Russian Authors”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2023, no. 1, pp. 87–97.
3. Egorov B. F. *O masterstve literaturnoj kritiki. Zhanry, kompozitsiya, stil'* [On the Skill of Literary Criticism. Genres, Composition, Style]. Moscow, Yurait Publ., 2019. 231 p.
4. Kochetkova N. D. [Criticism of the 1780–1790s. Sentimentalism]. In: *Ocherki istorii russkoj literaturnoj kritiki. T. 1. XVIII – pervaya chetvert' XIX v.* [Essays on the History of Russian Literary Criticism. Vol. 1. XVIII – First Quarter of the XIX century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 120–150.
5. Kochetkova N. D. *Literatura russkogo sentimentalizma. (Esteticheskie i hudozhestvennye iskanija)* [Literature of Russian sentimentalism. (Aesthetic and Artistic Quests)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 282 p.
6. Nadtochi E. E. [To on the History of the Formation of the Obituary Genre in Russian Literature: Obituaries by Nikolay Karamzin]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, no. 463, pp. 42–46.
7. Onipko K. A. [The First Russian Obituaries: Heroes and Contexts]. In: *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Literaturovedenie* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Literary Studies], 2018, no. 1 (170), pp. 83–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Петухов Александр Дмитриевич – аспирант департамента филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;

e-mail: alexpetukhov44@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Seyran A. Dzhanumov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Philology, Institute of the Humanities, Moscow City University;

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Alexander D. Petukhov – Postgraduate Student, Department of Philology, Institute of the Humanities, Moscow City University;

e-mail: alexpetukhov44@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А., Петухов А. Д. Литературный портрет автора «Душеньки» в статье Н. М. Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях» // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 85–94.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-85-94

FOR CITATION

Dzhanumov S. A., Petukhov A. D. Literary Portrait of the Author of “Dushenka” in N. M. Karamzin’s Article “About Bogdanovich and His Works”. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 85–94.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-85-94